

модели национальной культуры

Манн Юрий Владимирович,
действительный член
Российской академии естественных наук,
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы
Российского государственного гуманитарного университета
chif599@mail.ru

Украинские Афины

В географическом пространстве гоголевского мира (прежде всего – детства) особенно важное место занимают Кибинцы, которые вносили в облик родной среды писателя самые яркие краски – особенно это относится к сфере культуры, ведь именно здесь находился центр культурной жизни всей Полтавщины. Не случайно первый биограф Гоголя – П.А. Кулиш – назвал это имение «Украинские Афины» (Кулиш П. А. Несколько предварительных слов. // Основа. 1862. № 2. Отд. 6. С. 20).

Кроме того, Кибинцы благодаря фигуре и образу своего хозяина таили в себе такие стимулы, которые затем отозвались во всем духовном развитии писателя...

Хозяином имения был Дмитрий Прокофьевич Трощинский (1754–1829), крупный государственный деятель при нескольких российских императорах.

Сведения о родословной Трощинского противоречивы, однако ясно одно: некогда знатному роду (первым известным его представителем называли родственника Мазепы) предстояло отодвинуться в тень, чтобы затем вновь возвыситься в лице Дмитрия Прокофьевича.

С помощью своего дяди архимандрита Амфилохия Трощинский поступил в Киевскую духовную академию. После успешного окончания академии он служил писарем в штабе корпуса, действовавшего в Молдавии. Тут на него обратил внимание князь Николай Васильевич Репнин, командующий этим корпусом, а затем и всеми русскими войсками в Валахии. Репнин так полубил Трощинского, что не хотел отпускать его от себя: назначенный в 1775 году чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе, он взял Трощинского с собой секретарем. Затем, будучи генерал-губернатором в Смоленске и Орле, Репнин поручал ему заведование своей канцелярией.

Возвышение Трощинского началось при Екатерине Второй...

В 1787 году через Украину проезжала Екатерина II – с огромною свитой, в сопровождении австрийского, английского, французского послов она направлялась инспектировать вновь приобретенные земли Крыма и Новороссии. На Украине долго помнили это событие и очень гордились им; гоголевский Голова (из «Майской ночи»), например, будет при каждом удобном случае рассказывать о том, как он «удостоился сидеть на козлах с царицыным кучером».

Трощинскому повезло гораздо больше. Путешествие августейшей особы стало «зарейю счастья для Дмитрия Прокофьевича» (Русская старина. 1882. № 6. С. 645) – его карьера стремительно пошла вверх.

Во время остановки Екатерины II в Киеве в числе других лиц ей был представлен и 33-летний Трощинский. Одновременно Репнин рекомендовал его в качестве способного и многообещающего чиновника графу А.А. Безбородко. Благодаря его покровительству

карьера нового служащего стремительно пошла вверх. Трощинский вскоре получил орден св. Владимира 2-степени, чин действительного статского советника, должность статс-секретаря и - как особую милость Екатерины – имение Кагорлык в Киевской губернии.

Свое положение Трощинский сумел сохранить и при императоре Павле. Он даже упрочил свой статус, став сенатором и тайным советником.

В царствование Александра I Трощинский стал членом Государственного совета, главным директором почт, а, позднее, возглавил Министерство уделов, в котором, между прочим, спустя, двадцать лет, будут служить Николай Гоголь.

В 1806 году Трощинский внезапно уволился со службы. Официальной причиной послужило «сильное ослабление здоровья», но, быть может, повлияли и какие-то трения и неудовольствия на самом высоком уровне.

Получив увольнение, Трощинский удалился на родину, в свое новое имение Кибинцы. Его карьера не закончилась в 1806 году. В 1814 году Трощинский стал министром юстиции, сменив на этом посту известного поэта И.И. Дмитриева. Он рьяно взялся за дело. Современники подтверждают правдолюбие Трощинского. Его называли «бичом справедливых» и «покровителем бедных». С.В. Скалон писала. Что он известен «правотою души своей».

Дмитрий Прокофьевич пробыл на посту министра юстиции три года. В августе 1817 года он подал в отставку. Прожив еще пять лет в Петербурге, он в 1822 году окончательно вернулся в родные места, чтобы проводить время своих имениях, больше всего в Кибинцах.

Трощинский принадлежал к числу самых богатых людей Украины. У него было около 70 тысяч десятин и более 6 тысяч душ, дома в Петербурге и Киеве, движимость в миллион рублей серебром. Приезд Трощинского к соседу-помещику всякий раз вызывал шумную радость и возбуждение, почти как нисхождение божества к смертным.

Земляки, разумеется, не могли оставить без внимания столь значительное лицо и выбрали его в 1812 году в губернские маршалы полтавского дворянства. Именно в это время В.А. Гоголь-Яновский, отец писателя, выполнял при губернском маршале обязанности секретаря.

Родство Трощинского с семьей Гоголя шло по женской линии.

Родная тетка Марьи Ивановны Анна Матвеевна Косяровская была замужем за братом Дмитрия Прокофьевича – Андреем Прокофьевичем.

Родство, хотя не самое близкое, однако давало Гоголям право пользоваться покровительством могущественного человека, обращаться к нему за помощью и неделями жить под крышей его дома.

Внешне особняк Трощинского в Кибинцах не казался великолепным – деревянный, в два этажа. Но внутри царили богатство и роскошь. В доме было много фарфора, бронзы; хранились коллекции золотых монет и медалей, оружия, табакерок. Гордостью хозяина были личные вещи Марии-Антуанетты – бюро, фарфоровые часы и подсвечники.

Гоголи очень часто бывали в Кибинцах. Особенно важны периоды с 1806 по 1814 и с 1822 по 1829 год. Второй период совпадает уже с отроческой порой Николая. Первый же приходится на младенческие и самые ранние его годы.

Именно к первому периоду относится наиболее интенсивное участие отца Гоголя в домашнем театре Трощинского. Это значит, что самые ранние театральные впечатления, которые, конечно, были и впечатлениями художественными в более широком смысле, закладывались у мальчика в трех-четырёхлетнем возрасте. И очень важно, что они неразрывно были связаны с обликом родных или знакомых людей, проникали в сознание действительно домашним, повседневным образом.

На сцене в Кибинцах выступали отец и мать, В.В. Капнист с детьми, князь Хилков, который слыл очень хорошим комиком, его жена Надежда Дмитриевна и многие другие.

Как культурное гнездо Кибинцы приобрели яркую национальную, украинскую окраску. В Кибинцах исполнялись украинские пьесы (написанные Василием Афанасьевичем), пелись украинские песни.

Любимой песней Дмитрия Прокофьевича была «Чайка», которая «аллегорически представляла Малороссию как птицу, свившую гнездо свое близ дорог». Гоголь позднее в статье «Взгляд на составление Малороссии» писал: «...со всех сторон открытое место...это была земля страха...»). Когда пели эту песню, Трощинский «часто закрывал лицо свое рукою и проливал слезы» (Исторический вестник. 1891. Т. 4. С. 364). Отметим, что автором этой песни считается не кто иной, как Иван Мазепа, родственник Трощинского.

Н.А. Цертелев посвятил Трощинскому свой «Опыт собрания старинных малороссийских песней» (СПб., 1819) – первый сборник украинских дум, а Я.М. Маркович – свою замечательную книгу «Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» (СПб., 1798).

В то же время, к чести Трощинского, надо сказать, что никакой национальной ограниченности у него не было. На его театре ставились и русские (например, фонвизинский «Бригадир»), и, по-видимому, западноевропейские пьесы.

Писал для домашней сцены и Капнист. Он же в конце 1808 года предложил «для смеха» поставить «Трумфа», то есть знаменитую «шуту-трагедию» И.А. Крылова «Подщипа», рекомендую в качестве исполнителя ролей царя Вакулы или гоф-маршала Дурдурана Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского.

В доме Трощинского находились обширная картинная галерея и библиотека в несколько тысяч томов. К ее услугам впоследствии прибегал Гоголь-гимназист. Для его духовного развития большое значение имел тот факт, что Кибинцы были не местным и этнографически ограниченным, а общекультурным центром. Так, сам Гоголь вспоминал позднее, что оркестр исполнял Бетховена и Моцарта.

Разумеется, культурная жизнь в Кибинцах неразлучна была и с такими развлечениями, которые отличали быт барского дома.

Трапезе и возлияниям посвящалась значительная часть времени; обеды устраивались на широкую ногу, с радушием и хлебосольством, отличавшими украинских помещиков.

Особенно пышно праздновались именины хозяина (26 октября). Очевидцы сообщали, что на пирах собиралось до 150 человек: «Могу сказать утвердительно, что гости...в три дня столько проглотили хлеба насущного, рыб, птиц и зверей земных, что если б во время оно припасы находились в Ноевом ковчеге, то весьма довольно было бы для всего семейства патриарха сего на все время плаванья его поверх пучины» (Киевская старина. 1896. Т. 51. С. 239).

Трощинский любил приютить и накормить ближнего, но любил и позабавиться за его счет. На экс-министра и вельможу с годами все чаще находили припадки ипохондрии. В такие минуты специальным людям полагалось отвлекать его от тяжелых дум. Это были домашние шуты. Да, в украинских Афинах сложился целый институт шутов и тех, кто подстегивал их – шутодразнителей. Шутом был некий Роман Иванович, упоминаемый в письмах Гоголя-гимназиста, и заштатный священник, поврежденный в уме Варфоломей. Он был предметом особенно жестоких забав.

Иногда в роли шутодразнителя выступал сам хозяин, приказывая выставить шестидесятиведерную бочку с водой, на дно которой бросались золотые монеты. Добровольный или недобровольный добытчик должен был нырнуть и выудить непременно все золотые. Тогда они поступали в его распоряжение. Трощинский сидел на балконе и потешался водолазами...

В Кибинцах человеколюбие уживались с бесчеловечием, культура с дикостью, прямотушие с цинизмом. И все это видел или знал Никоша, все это откладывалось в нем глубоким слоем первых жизненных впечатлений.

Он видел, как человек, посвящавший себя «пользе угнетаемых» и плакавший от песни, живописующей беды отчего края, находил удовольствие в страданиях ближнего. Противоречие, которое лучше всего можно выразить словами из гоголевской «Шинели»: «Как много в человек бесчеловечья...Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным».

Положение многочисленной родни и друзей Трошинского бывало порой довольно сложным. Если вельможа был подобен солнцу, щедро изливавшему на них свет благодеяния, то естественна была и борьба за место под солнцем.

В конце 1812 года Василий Афанасьевич и Марья Ивановна сделались жертвой каких-то сплетен и интриги, закончившейся тем, что Василий Афанасьевич вспылал и удалил жену «из круга большого света», запретив ей выходить на люди.

Вспоминая посещения Кибинец, Марья Ивановна жаловалась, что ее окружала ужаснейшая зависть.

Все это происходило на глазах Никоши, и сложные впечатления от Кибинец и их хозяина с молодых лет западали ему в душу; но глубоко осознал он эти впечатления позднее, к концу гимназического периода. Пока же мальчику виделась преимущественно одна сторона облика и судьбы Дмитрия Прокофьевича, и это имело далеко идущие последствия.

На будущего писателя производили впечатления не только могущество Трошинского, но и сам факт его стремительного, почти баснословного возвышения.

Пример Трошинского стал занимать мысли Гоголя в самую раннюю эпоху его развития. Честолюбие Николая пробудилось очень рано, причем пример Трошинского создал определенную «модель» поведения или, точнее, даже – судьбы. Ее главным условием было то, что человек поднимался снизу, из неизвестности, от первых ступеней общественной лестницы к высшим.

В минуту откровенности Гоголь признается, что он «пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужной для блага государства».

Дмитрий Прокофьевич был, как говорят, сын казака. Почти пешком дошел до Киева, чтобы учиться в академии. По его рассказам, бывал принужден целые дни писать для других, чтобы иметь право вечером заниматься при чужой сальной свечке.

Непременным условием этой «модели» являлось и то, что возвышение происходило по заслугам, как естественная награда за действительные достоинства. Была еще одна, волнующая особенность этого пути наверх. Линия судьбы круто пошла вверх после его представления Екатерине II, сумевшей в мгновение ока распознать его дарование и безукоризненную честность. Это была помощь свыше, но такая, которая помогла счастливо обнаружиться всему тому, что уже заключалось в природе человека. Это было как бы вмешательство самого рока, безошибочно угадавшего своего избранника.

В произведениях Гоголя дважды повторяется сходная ситуация. Бобчинский просит Хлестакова сказать самому «государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский». Манилов грезит о том, чтобы его отношениях с Чичиковым доложили государю и «что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами...». Совсем как Екатерина II, пожаловавшая Трошинского действительным статским советником, то есть первым генеральским чином.

Мы далеки от того, чтобы видеть в художественных ситуациях проекцию реальных фактов биографии Трошинского или вообще каких-либо иных конкретных событий. Речь идет совсем о другом. Человеческому воображению свойственно «проигрывать» встречу с каким-либо высоким лицом, иногда с самым высшим в общественной иерархии.

Вероятно, можно отнести такую воображаемую встречу к архетипам человеческого сознания. Подкупающее в подобной встрече – возможность разом «все решить», добиться кардинальных результатов, а ее дразнящая острота в ощущении, что находишься рядом с тем, кто воплощает (или должен воплощать) высший разум, могущество, свет, поэзию... В сознании Гоголя, не только бытовом, но и художественном, возможность такой «встречи» будет играть немалую роль, и эта черта, так сказать, оттачивалась на «модели» судьбы Трошинского.

Наконец, признак этой «модели» и в том, что достигший высокого положения непременно подвергается нападкам и давлению клеветников и завистников, но мужественно выдерживает все и остается непоколебим.

Литература:

- Барабаш Ю. Я. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М., 1995.
- Гиппиус В. Гоголь. Л., 1924.
- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2001. Т. 1.
- Исторический вестник. 1891. Т. 44. С. 348, 363.
- Киевская старина. 1896. Т. 51.
- Коялович А. Детство и юность Гоголя: Биографический очерк // Московский сборник. М., 1887.
- Кулиш П. А. Несколько предварительных слов // Основа. 1862. № 2. Отд. 6.
- Русская старина. 1882. № 6.

Примечание:

Материалы данной статьи в расширенном виде содержатся в книге:
Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни. 1809–1845. М.: Аспект-пресс, 2004.